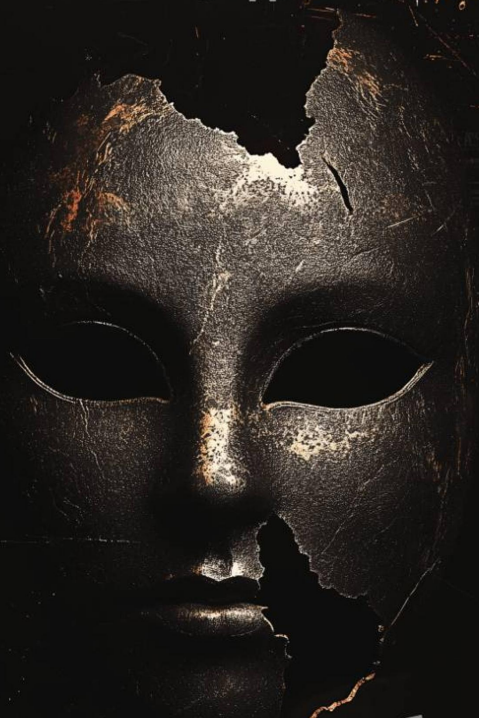

Юлия Фадеева

**Я открою тебе
душу медленно...**

Юлия Фадеева

Я открою тебе душу медленно...

<https://litres.ru/73978428>

SelfPub; 2026

Аннотация

История женщины, которая научилась жить с гвоздями в сердце, с пустотой внутри и с мартом, который каждый год проверяет её на прочность. Сильная, пронзительная и очень честная автобиографическая повесть о том, что даже после самого жестокого предательства можно остаться собой.

Содержание

Дисклеймер	4
Глава 1. Я.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юлия Фадеева

Я открою тебе душу медленно...

Дисклеймер

Все персонажи и события этой книги являются вымышленными. Любое совпадение с реально живущими или жившими людьми носит случайный характер. Имена героев, некоторые детали и географические названия изменены автором с целью защиты частной жизни и в художественных целях. Это художественное произведение. Автор использует элементы собственной биографии исключительно как основу для создания литературного образа.

Глава 1. Я.

Память - это милосердный редактор.

Она вырезает самые острые куски, оставляя только мягкие, размытые силуэты прошлого, словно стараясь защитить нас от самих себя. Но иногда, в самые неожиданные моменты - когда запах мокрого снега пробивается сквозь приоткрытое окно, когда мартовский ветер задевает щёку или когда кто-то произносит слово «мама» слишком мягко - она возвращает всё с жестокой ясностью. И тогда дышать становится тяжело, словно на грудь ложится тяжёлый, мокрый мешок с песком, из которого невозможно выбрать. Ты задыхаешься, но продолжаешь жить. Потому что другого выбора нет.

Мне было всего три дня, когда меня выбросили. Это случилось в марте 1993 года в одном из небольших провинциальных городов России - не в миллионнике, где хотя бы есть шанс на огласку или помощь, а в тихом, сером, полуразвалившемся городке, где после распада Союза всё рушилось. Заводы стояли, люди теряли работу, магазины пустовали, а гиперинфляция съедала последние копейки. В таких городах отказы от детей стали почти обыденностью: матери, не выдержавшие нищеты, алкоголизма мужей или просто отчаяния, оставляли новорождённых, где придётся. Не в роддоме, не через специальное окошко для отказников, где хотя

бы есть шанс, что тебя заметят. Просто вынесли на улицу в тонком больничном одеяльце и оставили у маленького голого кустика на окраине, где ветер гнал мокрый, колючий снег по разбитому асфальту. Был март. Тот самый март 1993-го, который для кого-то символизировал пробуждение, первую капель, надежду на новую жизнь после хаоса. Для меня же он всегда был и остаётся месяцем двойственным, почти мифическим. Месяцем, который родил меня и который чуть не погубил.

Каждый год, когда приходит март, я чувствую это противоречие особенно остро. Земля ещё не оттаяла окончательно, снег лежит грязными клочьями, а ветер несёт одновременно и обещание тепла, и напоминание о смерти. Я появилась на свет в марте 1993-го, и в марте меня оставили умирать на холоде. Этот парадокс преследует меня всю жизнь. Март - это время, когда природа решает, кто выживет, а кто нет. Он даёт надежду, но забирает её так же легко. Он учит, что жизнь и смерть идут рука об руку, и порой разделяет их лишь тонкая грань - несколько дней под кустом в провинциальном мартовском холоде 1993 года, когда страна ещё не оправилась от шока, а люди думали в первую очередь о выживании, а не о брошенных младенцах.

Неизвестно, сколько времени я пролежала там - замёрзшая, почти без движения. Меня нашли случайные прохожие - пожилая пара, выгуливавшая рано утром своего старого пса. Они потом рассказывали участковому, который кро-

потливо, но небрежным почерком заполнял бланк, что я лежала совершенно тихо, спокойно, грязно. Не плакала. Только смотрела большими тёмными глазами в серое мартовское небо, будто уже тогда понимала: этот мир не собирается быть ко мне добрым. Этот взгляд, как мне говорили позже, запомнился им на всю жизнь. В нём не было детской беспомощности - в нём было какое-то древнее, усталое знание. Знание предательства, которое я ещё не могла назвать словом.

Из-за сильного переохлаждения у меня потом начались серьёзные проблемы со здоровьем. Лёгкие, иммунитет, постоянные воспаления - всё это тянулось за мной долгие годы, как тень. Я часто оказывалась в больницах, где условия для таких детей, как я - отказников и подкидышей - были просто ужасными. Холодные палаты, старые железные кровати с продавленными сетками, равнодушные медсёстры, минимум внимания. Нас часто клали в дальние коридоры, словно мы были чем-то заразным или ненужным. Там, в этих коридорах маленького провинциального города 1993–1996 годов, март продолжал меня преследовать. Каждый март приносил новые обострения: пневмонию, бронхит, бесконечные капельницы. Словно природа напоминала мне: «Я тебя родила - я могу и забрать». А вместе с этим - напоминание о той, кто родила меня по крови, но выбрала предать.

Так начался мой долгий, серый, безликий путь - путь одинокого ребёнка девяностых в маленьком городе, где каждый отказник был не редкостью, а частью общей беды. Путь, в

котором март стал не просто месяцем, а целой метафорой моей жизни: рождение через боль, надежда, которая почти всегда оборачивается предательством холода.

Я не помню лица матери, которая меня оставила. Ни её голоса, ни запаха, ни даже имени. Но я очень хорошо помню холод. Холод металлических кроваток, холод кафельных полов, холод чужих рук, которые брали меня, осматривали и клали обратно. Этот холод поселился во мне навсегда. Даже сейчас, став взрослой, я иногда просыпаюсь ночью и проверяю, не леденеют ли пальцы ног. Это память тела. Память марта 1993-го. Память предательства, которое нанесла мне та, кто должна была быть ближе всех на свете.

Каждый человек, которого бросили в три дня, несёт в себе одно и то же клеймо. Я знаю это не по книгам и не по чужим историям - я чувствую это в каждой клетке. Когда тебя оставляют у куста в мартовскую ночь, ты не просто теряешь мать. Ты теряешь самую основу доверия к миру. В три дня ты ещё не умеешь говорить, не умеешь плакать от горя, но уже понимаешь на уровне инстинкта: тебя отвергли. Ты не нужна. Ты - ошибка, от которой избавились, как от ненужного груза. Каждый брошенный ребёнок в такие моменты чувствует одно и то же: глубокий, животный стыд. «Я плохая. Я сделала что-то не так. Поэтому меня выбросили». Потом приходит ярость - тихая, безмолвная, потому что плакать бесполезно. А за ней - пустота. Огромная, чёрная дыра внутри, которая никогда полностью не заполняется. Ты учишься жить

с ней, но она всегда там: напоминает, что любовь может исчезнуть в любой момент, что самые близкие люди способны на самое страшное предательство. В маленьком провинциальном городе 1993 года, где все знали всех, это предательство ощущалось ещё острее. Никто не пришёл искать меня. Никто не раскаивался. Моя родная мать - и, возможно, отец - просто исчезли в сером мартовском тумане, оставив меня на съедение холоду и системе. Это был первый, самый глубокий гвоздь, вбитый прямо в сердце. Невидимый, ржавый, но настоящий. Каждый раз, когда я думала о них - а я думала часто, особенно в марте, - вбивался новый гвоздь. Предательство родных родителей - это не просто рана. Это фундаментальная трещина в самой сути человека. Ты пытаешься быть целой, но внутри всегда торчат эти острые концы. Ты улыбаешься, учишься, любишь - а они напоминают: «Тебя уже однажды выбрасывали. Почему ты думаешь, что это не повторится?»

В одном из домов малютки я провела почти три года. Там были длинные коридоры с облупившейся зелёной краской, запах вечной каши и мокрых пелёнок с гнилью. В комнате стояло двенадцать кроваток. Я была самой тихой. Пока другие дети кричали, требовали внимания, плакали - я молчала. Я уже тогда научилась быть незаметной. Это было моей первой стратегией выживания. Быть тихой значило не раздражать систему. Не быть обузой в переполненном детдоме маленького города, где и так не хватало всего.

Была девочка по имени Катя. Она была старше меня на год. У неё были большие голубые глаза и постоянный кашель. Она часто плакала по ночам и звала маму. Однажды её забрали «на выходные в семью». Она вернулась через две недели с новой игрушкой и сияющими глазами. А потом её забрали навсегда. Я помню, как стояла у окна и смотрела, как она уезжает на машине. В тот день я впервые почувствовала странное, жгучее чувство - смесь радости за неё и глубокой, тяжёлой зависти. Эта зависть была как второй гвоздь. Предательство мира, который выбирает кого-то вместо тебя. И снова я думала о своей матери: «Почему она не пришла? Почему не забрала меня, как Катю?» Каждый ребёнок в такой момент чувствует одно: «Я недостаточно хороша. Меня можно заменить». Это универсальное чувство брошенности - оно не зависит от города или года. Но в 1993-м в провинции оно было особенно горьким: вокруг все выживали как могли, а ты оставалась доказательством чужой слабости.

Был мальчик Серёжа. Ему было пять. Он часто дрался с воспитателями. Однажды его сильно наказали - оставили без ужина и посадили в «угол». Ночью он пришёл ко мне, залез в кроватку и шептал: «Когда я вырасту, я всех их убью». На следующий день его перевели в другой корпус. Я больше никогда его не видела. Его ярость была мне понятна. Моя же ярость сидела глубоко внутри, молчаливая, как и я сама. Ярость на мать, которая предпочла свободу или бутылку вместо меня.

Были и другие дети. Кто-то уходил в семьи, кто-то оставался и постепенно становился «вечным» жильцом дома маляутки. Я смотрела на них и понимала: если я не буду тихой и удобной, меня тоже никто не заберёт. И я стала ещё тише. Каждый новый день учил меня одному главному правилу: не сдаваться. Не плакать. Слезы здесь были роскошью, которую никто не мог себе позволить. Слабость съедали быстрее, чем жидкую утреннюю кашу. Я научилась молчать, когда внутри всё кричало. Научилась есть даже то, от чего выворачивало желудок. Научилась засыпать под чужой плач, считая трещины на потолке и придумывая истории о том, как меня когда-нибудь заберут в настоящую семью.

Эти истории были моей внутренней жизнью. В них март всегда был другим - тёплым, ласковым. В них моя родная мать возвращалась и говорила: «Прости». Но реальность была иной. И каждый март напоминал об этом. Месяц, который мог дать жизнь, но предпочёл испытать меня холодом и предательством. Я размышляла: может, март - это экзамен? Проверка на прочность. Он рождает, но требует доказательств, что ты достоин этой жизни. А предательство родителей - это часть экзамена. Любой человек, брошенный так рано, несёт в себе вечный вопрос: «Почему я?» И ответ, который приходит позже: «Потому что они были слабыми. Потому что в 1993-м в маленьком городе жизнь была дешевле, чем водка». Но это не утешает. Гвоздь от предательства биологических родителей остаётся самым острым. Он не да-

ёт забыть, что даже кровь может предать.

А потом появилась она.

Зинаида Николаевна. Женщина, которая стояла в очереди восемь долгих лет. Она прошла через десятки унижительных комиссий, проверок, вопросов о доходах, здоровье, мотивах. Она пришла в тот дом малютки совсем не за мной. Она шла к другой девочке - Даше, о которой давно мечтала и которую уже почти оформила.

Но когда она проходила по коридору, её взгляд случайно остановился на комнате с суровой табличкой «не входить, больные дети». Нянечки сразу начали отговаривать: «Там больные, вам не надо, вы ещё молодая». Что-то внутри неё дрогнуло. Она открыла дверь.

И в этот момент, маленькая, худенькая девочка трёх лет, на своих нетвёрдых ножках побежала к ней и уткнулась лицом в неё. Всё было решено за одну секунду. Это было моё первое настоящее «выбор». Первый раз, когда мир не предал меня полностью.

Оформление меня вместо запланированной Даши стало для неё новым кругом ада. Ещё год дополнительных проверок, подозрений, бумаг и вопросов. Каждый новый документ отнимал силы. Виталий, её муж, человек молчаливый и добрый, работал на РЖД и по ночам почти не спал - переживал, что не потянут сложного ребёнка, о котором в выписках было написано «больная» и стояла целая стопка справок и выписок из разных больниц маленького городка. Зинаида Ни-

колаевна позже признавалась, что первые два года после моего появления она часто плакала в ванной, потому что боялась, что не справится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.